
ИССЛЕДОВАНИЯ

М.М. Бенцианов

СУДЕБНИК 1497 ГОДА И СКЛАДЫВАНИЕ ТЕРРИТОРИИ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА

Судебник 1497 года является важнейшим законодательным памятником объединенного в конце XV в. Русского государства, а его создание наглядно демонстрирует успехи централизаторской политики Ивана III, присвоившего себе претенциозный титул «государя всея Руси». Впервые со времен Русской Правды Судебник 1497 года установил единообразный порядок судопроизводства и общие правовые нормы для всех когда-то независимых земель и княжеств, вошедших в состав нового государства. Судебник 1497 года стал основой не только для позднейших Судебников Ивана Грозного и Федора Ивановича, но и оказал заметное влияние на Соборное Уложение 1649 года, предопределив, таким образом, развитие русской законодательной мысли допетровского времени¹. Поэтому неудивительно то внимание, которое всегда уделялось этому памятнику со стороны отечественных и зарубежных историков. Судебник 1497 года неоднократно исследовался в трудах М.Ф. Владимирского-Буданова, С.В. Юшкова, Л.В. Черепнина, С.И. Штамма, А.А. Зимина, А.В. Исаченко, В.Б. Кобриня, Ю.Г. Алексеева². Однако, несмотря на пристальное внимание исследователей и обилие специальных работ, Судебник 1497 года во многих отношениях остается еще совершенно неизученным. Прежде всего это касается проблемы происхождения Судебника и его связи с предшествующими законодательными документами. Трудность разрешения этой проблемы имеет чисто источниковедческий характер. Судебник 1497 года дошел до нашего времени в одном единственном списке (если, конечно, не считать выписок С. Герберштейна³), никогда не использовавшимся в судопроизводстве, поэтому невозможно выяснить конкретный механизм составления этого памятника, отделить возможные добавления и приписки от основного текста, найти его неточности. С другой стороны, крайне немногочисленные сохранившиеся акты, посвященные в основном только поземельным разбирательствам, княжеские духовные и договорные грамоты и Запись о душегубстве не дают

полного, исчерпывающего представления о собственно московском праве до времени составления Судебника 1497 года. Эта вынужденная скудость источников приводит к появлению различного рода гипотез. Доказана близость Судебника 1497 года с Русской Правдой, Псковской судной грамотой, Белозерской уставной грамотой, однако совершенно неясно основанное на мнении Л.Б. Черепнина существование «Указа наместником о суде градском», специальных памятников о боярском или великокняжеском суде, равно как и существование особого Судебника Софьи Витовтовны. В свою очередь А.А. Зимин считал возможным влияние уставных наместничьих грамот, подобных Двинской и Белозерской уставным грамотам, на формирование текста Судебника 1497 года⁴. В поисках новых источников, способных осветить историю создания этого памятника, историки, к сожалению, совершенно выпустили из вида «Указ о езде», составляющий 30 статью юдехса (по общепринятой схеме деления текста Судебника 1497 года на статьи). Пожалуй, только Л.В. Черепнин уделил ей некоторое внимание, считая «Указ о езде» самостоятельным документом, позднее включенным в общий текст⁵. Невозможно выяснить правильность мнения Л.В. Черепнина, однако сама 30 статья при подробном анализе может позволить решить некоторые из поставленных перед исследователями проблем.

30 статья фиксирует суммы денежного сбора, шедшего в пользу недельщиков, отправленных из Москвы в различные точки Русского государства. В этой статье кроме Москвы перечисляется еще 53 других города, начиная от крупнейших столиц ранее независимых княжеств и заканчивая мелкими волостными городками, подобными Вышгороду или Радонежу. Внимательный анализ списка этих городов показывает отсутствие целого ряда достаточно крупных центров. Среди них — Волок Ламский, Руза, Вятка (Хлынов), Великие Луки, Торжок, Ивангород, Старая Руса, Орешек, Копорье, Ям, Ладога. Отсутствие Волока Ламского и Рузы находит достаточно простое объяснение. Эти города в 1497 г. составляли самостоятельные удельные княжества Федора и Ивана Борисовичей и, естественно, не подпадали под юрисдикцию великого князя. Волок Ламский и Руза не фигурируют также и в Судебнике 1550 года, в статье «о езде» почти дословно повторяющем Судебник 1497 года. Зато в Судебнике 1550 года появляются Вятка, Торжок, Псков, Смоленск, Ивангород, Великие Луки, Торопец⁶. Псков, Смоленск и Торопец были присоединены позднее 1497 г., и их отсутствие в тексте Судебника 1497 года вполне уместно⁷. Однако Вятка, Торжок, Великие Луки, Ивангород в конце XV в. прочно входили в состав Русского государства, и их отсутствие трудно отнести к простой ошибке переписчика дошедшего до нас списка. Скорее, дело было в другом. Торжок в завещании Ивана III

рассматривался как один из городов Новгородской земли. Великие Луки и Ивангород также считались новгородскими городами. Новгородская земля сохраняла значительную степень обособленности в составе Русского государства. В частности, здесь сохранялись и некоторые судебные льготы. При присоединении Великого Новгорода новгородские бояре вытребовали себе у великого князя обязательства не вступаться в старый суд и не вызывать новгородцев на суд в далекую Москву⁸. Известно, насколько полно Иван III выполнил свои обещания, однако в жалованной грамоте старорусским тоникам, выданной в конце его правления (после 1484 г.), сумма езда устанавливалась по старине и составляла одну гривну. Эта сумма могла быть реальной только в том случае, если недельщики выезжали к старорусским тоникам из близлежащего Великого Новгорода, а не из весьма отдаленной Москвы. Езд до самого Великого Новгорода по Судебнику 1497 года равнялся двум рублям с половиной, что, конечно, не может сравниться со скромной суммой в одну гривну⁹. Таким образом, недельщики в силу давней традиции высылались в новгородские города непосредственно из Великого Новгорода. Позднее граница Новгородской земли в составе Русского государства подверглась существенному изменению. Торжок стал рассматриваться как часть непосредственной территории великого княжества, иногда — как часть Тверской земли. Великие Луки также обособились от Великого Новгорода, и великолуцкие помещики не входили непосредственно в состав корпорации новгородских детей боярских¹⁰. Старая Руса, Орешек, Копорье, Ям, Ладога продолжали считаться новгородскими городами и поэтому никогда не фигурировали в статьях о езде различных Судебников. Иное объяснение можно дать для Ивангорода. Он был основан в 1492 г. самим Иваном III и назван в его честь, так что на этот город не должны были распространяться старые судебные привилегии. Кроме того, Ивангород имел особое значение как стратегический пункт, подлежавший ведению центральной администрации. Отсутствие Ивангорода в тексте Судебника 1497 года, вероятно, было вызвано чрезвычайными обстоятельствами. В 1496 г. Ивангород был полностью уничтожен шведским отрядом. Вскоре этот город был восстановлен, но еще в 1501 г. писцовая книга, описывавшая Ивангород, застает яркие следы сокрушительного разорения¹¹. Очень сложен вопрос о причинах отсутствия Вятки в перечне городов 30 статьи Судебника 1497 года. Возможно, Вятка, завоеванная московскими войсками в 1489 г., еще не подчинялась в 1497 г. центральным судебным органам, сохраняя автономию в судебных делах. С другой стороны, возможно отсутствие Вятки было

связано с одновременностью составления различных частей рассматриваемой 30 статьи, что будет показано в последующем изложении.

Вся 30 статья Судебника 1497 года распадается на несколько частей по географическому признаку. Перечисление городов 30 статьи в общих чертах позволяет судить о расположении дорог, соединявших Москву с различными областями Русского государства. Не случайно города в «Указе о езде» перечисляются почти в том же порядке, что и в завещании Ивана III, современном тексту Судебника 1497 года. Вначале упоминаются города, принадлежавшие к течению реки Оки, затем — близкие к ним города литовско-русского пограничья, в т. ч. путь Москва — Звенигород — Можайск — Вязьма; после этого описываются самый продолжительный путь, следующий из Москвы до Холмогор, и города, расположенные на восточной окраине государства. Наконец, в последних частях 30 статьи называются Бежецкий Верх, Углич, Романов, составляющие отдельную часть статьи, города Тверской земли (здесь 30 статья вновь возвращается к духовной грамоте Ивана III), Хлепен, Ржева и Великий Новгород¹².

Разделение частей в 30 статье Судебника 1497 года прослеживается не только по географическому признаку, который в некоторых отношениях является достаточно спорным и не позволяет четко отделить одну часть текста от другой. Критерием служит также своеобразный денежный ряд. В начале каждой части сумма езда меньше, чем в конце. Сумма возрастает по мере удаления недельщиков от Москвы. Резкое уменьшение суммы, выпадающее из предыдущей последовательности, показывает переход к новой части. Это утверждение лучше всего проиллюстрировать на примере двинского пути. Сумма езда до Радонежа, первой точки на этом пути, составляла всего четверть рубля, затем постепенно возрастала. Езд до Вологды составлял уже пять рублей, до Вычегды — семь рублей и, наконец, достигал восьми рублей московских (в конце этого пути совсем недавно были более привычными новгородские рубли) у Двины и Холмогор. После Холмогор в тексте 30 статьи называется Владимир, сумма езда до которого — рубль с четвертью, что резко отличается от предшествующих ей сумм. На основании этих двух признаков (географического расположения и последовательности возрастания суммы езда) текст 30 статьи разбивается на одиннадцать неравноценных по своему объему частей. Первую часть составляют Коломна, Кашира, Хотунь, Серпухов, Таруса, Алексин, Калуга. Вторую — Ярославец (Малоярославец), Верей, Боровск, Вышгород, Кременск. Третью — Можайск, Медынь, Вязьма, Звенигород. Четвертую — Воротынский, Одоев, Козельск, Белев, Мезецк (Мещовск), Оболенск. Пятая часть яв-

ляется самой продолжительной и включает в себя Дмитров, Радонеж, Переяславль, Ростов, Ярославль, Вологду, Белоозеро, Устюг, Вычегду (вероятно, Соль Вычегодскую), Двину (вероятно, Орлец — центр Двинской земли), Холмогоры. Напротив, всего лишь из двух городов — Владимира и Костромы — состоит шестая часть текста. Невелика и седьмая часть, в которой называются Юрьев, Суздаль и Галич. В восьмой части текста находятся Муром, «отчина» князей Стародубских (Стародуб Рязановский), Мещера и Нижний Новгород. В девятой — Углич, Бежецкий Верх и Романов. В десятой — Клин, Кашин, Тверь, Зубцов, Опоки, Хлепен. В последней, одиннадцатой части — Ржева и Великий Новгород¹³. Возможно, десятая и одиннадцатая части текста являются на самом деле одной общей частью, поскольку в самом тексте 30 статьи Ржева и Великий Новгород полностью вписываются в предыдущий денежный ряд, а географически как бы служат продолжением для городов Тверской земли. Выделение Ржевы и Великого Новгорода в отдельную часть текста произведено, таким образом, только для удобства исследования, что будет учтено при последующем анализе 30 статьи Судебника 1497 года.

Дальнейшее развитие этой структуры в Судебнике 1550 года свелось к добавлению Вятки и Торжка, к выделению в особую часть Вереи и Медыни и к добавлению новой, двенадцатой части, в которой находились Псков, Смоленск, Ивангород, Великие Луки и Торопец. Кроме того, в Судебнике 1550 года отсутствуют Серпухов и Ржева, а шестая (Владимир, Кострома) и седьмая (Юрьев, Суздаль, Галич) части слиты в единое целое¹⁴. Все эти изменения были вполне закономерны в контексте событий XVI в. Для Вятки на двинском пути была сделана специальная своротка возле Устюга, соответствующая древней дороге в этот город. Торжок, как уже было замечено, вошел в территорию Тверской земли и поэтому был помещен среди тверских городов. Верея была одним из центров удела князя Андрея Ивановича Старицкого (другой центр этого княжества — Старица — отсутствует в обоих Судебниках) и позднее других удельных городов вошла в состав Русского государства. Присоединение Вереи произошло после подавления мятежа князя Андрея Старицкого в 1537 г., и уже в 1542 г. этот город был пожалован новому старицкому князю Владимиру Андреевичу, так что выделение Вереи в тексте статьи «о езде» Судебника 1550 года могло произойти только в этот промежуток времени¹⁵. Не менее интересной была судьба Медыни, вместе с Вереей составившей новую часть текста. Мединь была дана «в вотчину» в 1508 г. братьям знаменитого князя Михаила Львовича Глинского — Ивану и Василию. Если своевольный князь Михаил

Львович быстро растерял все свои пожалования, то его более спокойные братья могли сохранить за собой Медынь вплоть до 30-х г. XVI в., тем более что князь Василий Львович был отцом жены Василия III Елены Глинской. Вероятно, Медынь считалась личным владением великой княгини. Смерть Елены Глинской в 1538 г. должна была изменить эту ситуацию¹⁶. Таким образом, эту часть текста, посвященную Верее и Медыни, можно датировать промежутком времени от 1538 до 1542 г.

Псков, Смоленск и Торопец были присоединены после 1497 г., а причины добавления Ивангорода и Великих Лук уже были рассмотрены выше. Серпухов часто отдавался во владение служилым татарским царевичам, а Ржева отсутствует также и в завещании Ивана Грозного¹⁷. Что же касается Суздаля, Костромы и Галича, то этот вопрос в XVI в. давно перестал быть актуальным, и в Судебнике 1550 года Кострома была закономерно помещена между Суздалем и Галичем в соответствии с ее географическим расположением. Вообще же следует отметить явно вторичный характер статьи «о езде» Судебника 1550 года. Взяв за основу аналогичную статью из Судебника 1497 года, авторы нового «Указа о езде» в основном просто повторили предшествующий текст, соответствующий реалиям конца XV в., а не середины XVI в. Не были внесены в текст многие города, вошедшие в состав государства после 1497 г., в частности, такие, как Дорогобуж, Белая, Брянск, Новгород-Северский, Стародуб, Рязань, удельные Волок Ламский и Руза. Выпавший из этого списка Серпухов к 1550 г. принадлежал Ивану Грозному, однако также не был приписан к основному тексту¹⁸. Позднее эта практика была продолжена в Судебнике 1589 года, где отсутствуют Таруса, Боровск, Вышгород, Кременск, Зубцов, Опоки, Хлепен, Торжок, Верей, Медынь¹⁹.

Еще нагляднее вторичность текстов статей «о езде» Судебников 1550 и 1589 годов показывают названные там суммы, причитавшиеся недельщикам. Эти суммы не претерпели совершенно никаких изменений с конца XV в., хотя общий уровень цен к этому времени значительно повысился, что можно хорошо проследить на примере изменения цен на земельную собственность и по денежным вкладам в монастыри. Скорее всего, названные суммы езда не отражали действительность и были глубоко устаревшими. Рассматривать сами эти статьи можно только принимая во внимание структуру текста, сложившуюся в конце XV в., также, впрочем, не отличавшуюся большой степенью однородности.

При анализе собственно текста 30 статьи необходимо подробно остановиться на времени создания каждой из составляющих его частей согласно предложенной схеме, следуя порядку, установленному в самом тексте.

Первая часть 30 статьи Судебника 1497 года описывает города, расположенные на берегах Оки (хотя Хотунь и не стоит здесь, тем не менее она принадлежит именно к этому пути из-за своей географической близости к Кашире и Серпухову). На верхнюю границу составления этой части указывают два обстоятельства. Во-первых, Кашира, Серпухов и Хотунь в сентябре 1497 г. уже не принадлежали к территории великого княжества. В мае 1497 г., т. е. за три месяца до утверждения Судебника, эти города были переданы во владение бывшему казанскому хану Мухаммеду Эмину, у которого они и оставались вплоть до 1502 г. Татарские цари и царевицы обычно пользовались всей полнотой судебной власти, в частности, выдавали жалованные несудимые грамоты в созданных для них крошечных уделах. Видимо, так же обстояло дело и с Мухаммедом Эмином²⁰. Следовательно, эта часть 30 статьи была составлена до мая 1497 г. Во-вторых, естественный путь по Оке не заканчивался возле Калуги, а шел дальше вниз, где были расположены города верховских князей — Воротынский, Одоев, Козельск, Белев и Мезецк (Мещовск). Однако эти города оказались исключенными из первой части. По всей видимости, это объясняется тем, что первая часть 30 статьи составлялась еще до 1494 г., когда, согласно русско-литовскому договору, под власть Ивана III переходили земли верховских князей, признавших русское подданство (Мезецк оставался в совместном русско-литовском владении)²¹. Нижняя граница составления первой части определяется благодаря упоминанию здесь Серпухова и Тарусы. Этими городами владел князь Андрей Васильевич Вологодский, умерший в 1481 г. и передавший по духовной грамоте свое княжество Ивану III. Калуга, обещанная князю Андрею Васильевичу Углицкому в 1480 г. в награду за «стояние на Угре», скорее всего, так и не была ему передана. В конце 80-х гг. XV в., когда еще существовал удел князя Андрея Углицкого, Калуга считалась великокняжеской волостью, и ее держал наместник Ивана III князь Михаил Юрьевич. Вероятно, первая часть 30 статьи была составлена в конце 80-х гг. XV в. Именно в это время окский путь приобрел стратегическое значение в борьбе Русского государства за верховские княжества.

Несколько позднее была составлена вторая часть 30 статьи Судебника. Эта часть была посвящена западным городам, находящимся между Москвой и Великим княжеством Литовским. Из перечисленных здесь городов Верея была столицей удельного княжества Михаила Андреевича Вереяского. Ярославль и Вышгород также входили в его удел. Все эти города были присоединены после смерти князя Михаила Андреевича в 1486 г. Однако Вышгород почти сразу же после этого был пе-

редан Иваном III его брату князю Борису Васильевичу Волоцкому вместо обещанных земель в Тверском княжестве. В августе 1486 г. Иван III клятвенно обещал «не вступаться» в Вышгород. Между тем, согласно духовной грамоте самого Ивана III, составленной в 1504 г., Вышгород отдавался в удел его младшему сыну, князю Андрею Старицкому. Вышгород не был получен Иваном III по завещанию князя Ивана Борисовича Рузского, умершего в 1503 г. и бывшего одним из наследников князя Бориса Волоцкого. Очевидно, к началу XVI в. волоцко-рузские князья (дети князя Бориса Волоцкого) уже потеряли Вышгород. Когда это могло произойти? Уместно предположить, что эта потеря произошла в октябре 1491 г., когда князь Борис Волоцкий был вызван в Москву после «поймания» своего мятежного брата князя Андрея Углицкого. По сообщению летописей, ехал он туда «в тузе великой»²³. Верхняя граница составления второй части будет уточнена несколько позднее, с учетом анализа данных следующей, третьей части текста.

Третья часть 30 статьи описывает путь Москва — Вязьма. Эта часть в первоначальном виде существовала без Звенигорода, хотя дорога из Москвы в Можайск и Вязьму проходила через этот город, который просто невозможно было обойти, если двигаться по течению Москвы-реки. На это были свои причины. Звенигород, как и Можайск, являлся частью удела князя Андрея Углицкого, но его отсутствие на вяземском пути определялось другими обстоятельствами. С 1493 по 1496 г. Звенигород принадлежал приехавшему из Крыма царевичу Абдул-Летифу, который и осуществлял здесь верховный суд²⁴. Вязьма была взята московскими войсками под руководством князей Д.В. Щени и В.И. Патрикеева в 1492 г. и окончательно была закреплена в составе Русского государства по мирному договору 1494 г. Интересно отметить искусственность нахождения Медыни внутри этой части. По своему географическому расположению Медынь не принадлежала к пути Москва—Вязьма, а, скорее, должна была относиться ко второй части (Медынь находится совсем недалеко от Кременска). Об этом можно высказать следующее предположение. Известно, что в 1489 г. на литовско-русской границе действовал какой-то князь Василий Иванович. В 1487 г. его наместник вселуцкий Василий Давидович Пестрый (из рода Нетши) делал набеги на литовские волости. В 1437 г. Василий Давидович Пестрый «держал» Медынь и, очевидно, также служил князю Василию Ивановичу. Этим князем Василием Ивановичем мог быть только малолетний княжич Василий, будущий преемник Ивана III, который еще ранее владел Костромой²⁵. Пожалование Василию Медыни было связано с претензиями удельных братьев Ивана III на бывшие земли князя Юрия Васильевича Дмитровского, которому принадлежал этот город. Неизвестно, насколько долго Василий владел Медынью.

Потеря им Медыни могла произойти между октябрем 1491 г. и августом 1492 г., когда он был отправлен своим отцом в Костромской и Белозерский уезды государства. Определенно можно утверждать лишь то, что рассмотренная выше вторая часть текста составлялась раньше третьей, в то время, когда Медынь принадлежала Василию, т. е., ориентировочно, до промежутка октябрь 1491 г. — август 1492 г. или во время этого промежутка. Как раз в октябре 1491 г. Иван III получил Вышгород от князя Бориса Волоцкого. Затем, когда Василий лишился Медыни, возникла необходимость приписать этот город к одному из путей. Для этого и подошел вяземский путь, где для Медыни была сделана своротка²⁶. Это произошло после 1493 г., т. к. в первоначальном варианте текста не было Звенигорода, пожалованного Абдул-Летифу. Звенигород был добавлен в состав этой части только после 1496 г., когда эта часть 30 статьи и сложилась в своем окончательном виде.

Четвертая часть 30 статьи Судебника 1497 г. уже была рассмотрена выше в составе приокских городов. Время ее создания определяется началом 90-х гг. XV в. Эта часть содержит очень интересную приписку. К Мезецку, езд до которого составлял 40 алтын (1 руб. 20 коп.), был добавлен более близкий к Москве Оболенск, сумма езда до которого составляла всего лишь полтину. Оболенск не принадлежал к верховским княжествам. Оболенские князья с конца XIV в. верно служили московским великим князьям. Приписка Оболенска отражает претензии Москвы на земли тарусских князей, потомками которых были как оболенские, так и мезецкие князья, на что неоднократно указывали московские послы. Мезецк в 1497 г. только частично подчинялся власти Москвы, большая же часть мезецких князей продолжала служить Великому княжеству Литовскому. Время приписки Оболенска можно определить достаточно точно. Дело в том, что до нас дошел акт одного судебного разбирательства, связанный с Оболенском. Монахи Троице-Сергиева монастыря, обвиняя князя Ивана Оболенского, утверждали, что «пристав к ним, в Оболенск, государя великого князя не въезжал». Это злоупотребление было пресечено Иваном III в Судебнике 1497 г., где был помещен Оболенск. Судебный акт датируется промежутком между 1486 и 1488 гг., но думается, что его верхней гранью можно признать 1497 г., т. е. время утверждения Судебника²⁷.

Пятая часть 30 статьи Судебника 1497 года, посвященная двинскому пути, кажется одной из самых старых частей текста. На это указывает прежде всего промежуток пути Ярославль — Вологда. Этот промежуток пути обязательно должен был проходить через стоявший на Волге Романов. Однако Романов упоминается в перечне городов пятой части. Романов был подарен великой княгиней Марией Ярославной ее любимому сыну, князю Андрею Углицкому, и вплоть до 1491 г. составлял часть его княжества. Сле-

довательно, двинской путь (в его варианте пятой части 30 статьи) описывает ситуацию до 1491 г.²⁸ Можно еще более удревнить время создания этой части. Дело в том, что в дошедшей до нас Белозерской уставной грамоте, выданной Иваном III в 1488 г., сумма московского езды (слово «московского» сохранилось в частичном виде) определяется в три рубля. Между тем «Указ о езде» Судебника 1497 года дает совсем другую сумму — два рубля сполтиной. Трудно предположить уменьшение суммы езды после 1488 г. Скорее, произошло обратное, и противоречие между Белозерской уставной грамотой и Судебником 1497 года было вызвано тем, что пятая часть 30 статьи составлялась до 1488 г., что лишний раз подтверждает утверждение о несоответствии реальных сумм езды тем, которые были обозначены в Судебниках²⁹. Белозерское княжество было присоединено к Москве по завещанию князя Михаила Андреевича Верейского в 1486 г., и промежуток между 1486 и 1488 гг. следует признать временем составления этой части текста.

Шестая часть, или путь Москва — Кострома, имеет очень странный вид. Между Владимиром и Костромой, с одной стороны, не хватает Суздаля, с другой стороны, этот путь не имеет своего логического завершения, т. е. продолжения на Галич. В связи с этим можно предполагать, что эта часть текста составлялась около 1485 г., когда Иван Молодой, наследник Ивана III, обладал суверенными правами на территории Суздальского и Галицкого уездов. Первоначально Ивану Ивановичу принадлежали также и костромские земли, но уже в 1485 — 1486 гг. там распоряжался князь Василий Иванович. Составление шестой части было актуально для московского правительства и в 1485 г., когда Иван Молодой потерял Кострому, но еще сохранял за собой Суздаль и Галич, что и вызвало пропуск этих городов. Позднее в Судебнике 1550 года эта схема была исправлена и города выстроились по своему географическому порядку: Москва — Владимир — Суздаль — Кострома — Галич³⁰.

По аналогии с предыдущей частью, седьмая часть, включавшая в себя Юрьев, Суздаль и Галич, датируется временем потери Иваном Ивановичем Суздаля и Галича. В сентябре 1485 г. Иван Молодой получил Тверское княжество и лишился своих восточных владений. После этого и была составлена седьмая часть 30 статьи. К тому времени Владимир и Кострома уже составили отдельный путь, поэтому данные города и не встречаются в седьмой части. Кроме того, в Костроме в это время распоряжался Василий Иванович. Такая гипотеза позволяет объяснить разделение географически близких городов, вытянувшихся вдоль одной линии, на две части внутри общего текста³¹.

Восьмая часть 30 статьи дает описание пути из Москвы в Муром и дальше по трем направлениям — вотчина князей Стародубских (Ста-

родуб-Ряполовский), Мещера и Нижний Новгород. Эти города никогда не раздавались в уделы, так что трудно ответить на вопрос о времени создания данной части³².

Более интересна следующая, девятая часть 30 статьи. В этой части находятся Углич, Романов и Бежецкий Верх. Географически эти города плохо соединяются друг с другом, если начинать свой путь из Москвы. Единственное, что их объединяет — это принадлежность к уделу князя Андрея Васильевича Углицкого, который был ликвидирован в 1491 г., после чего и возникла девятая часть текста³³. Верхнюю границу ее составления установить не удастся.

Десятая часть 30 статьи посвящена городам Тверской земли. Какую-то географическую последовательность при перечислении этих городов выявить трудно, хотя не приходится сомневаться, что посланные из Москвы недельщики должны были проезжать через Клин. Объединение всех этих городов было произведено в связи с тем, что все они когда-то входили в состав Великого княжества Тверского. Однако нельзя сказать, что десятая часть текста была составлена сразу после 1485 г., когда Тверское княжество потеряло свою независимость. В перечне тверских городов назван Хлепен, никогда не принадлежавший последнему тверскому князю Михаилу Борисовичу. Хлепен был вотчиной вяземского князя Михаила Дмитриевича, служившего Казимиру Литовскому. Почему же тогда Хлепен был приписан к тверским городам? Дело в том, что в 1488 г., во время «странной войны», этот город был захвачен войсками князя Ивана Молодого, владевшего Тверским княжеством и присоединившего Хлепен к своим землям. Окончательно Хлепен вошел в состав Русского государства по мирному договору 1494 г.³⁴ Следовательно, составление десятой части произошло уже после 1488 г. В 1489 г. Иван Молодой, видимо, потерял Тверь. Только в конце 1490 г. Тверь (или часть Тверского княжества без самой Твери) получил его преемник Василий Иванович. Десятая часть текста могла быть составлена в этот короткий промежуток времени. Могла быть она составлена и между октябрём 1491 г. и августом 1492 г., когда Василий был отправлен на Кострому и Белоозеро. Наконец, время составления десятой части могло произойти и после 1497 г., когда неудачный заговор Владимира Гусева окончательно лишил Василия прав на Тверское княжество³⁵. Несмотря на то, что дата после декабря 1497 г. вступает в противоречие со временем утверждения всего Судебника (сентябрь 1437 г.), именно эта дата кажется наиболее правдоподобной. На это указывают несколько обстоятельств. Во-первых, исследователями уже давно был замечен своеобразный пропуск Тверской земли в статье 67 Судебника 1497 года о взятках и о послушестве. Здесь названы только Московская и Новгородская земли, хотя в жалованных грамо-

1197699
тах в подобных перечнях обязательно присутствует и Тверская земля. Есть Тверская земля и в аналогичной статье Судебника 1550 года. А.А. Зимин справедливо заметил, что это связано с особым статусом Тверской земли как удела наследника престола княжича Василия³⁶. Таким образом, в сентябре 1497 г. Тверская земля была неподсудна непосредственно великокняжеской власти. Между тем в 30 статье присутствуют почти все города Тверской земли, и среди них сама Тверь. Уже это обстоятельство заставляет предположить приписной характер городов Тверской земли внутри текста 30 статьи. Во-вторых, уже была отмечена близость десятой и одиннадцатой частей текста 30 статьи Судебника 1497 года. Однако одиннадцатая часть 30 статьи явно была составлена после 1497 г., и даже после 1503 г. На это указывает то обстоятельство, что именно в 1503 г. по духовной грамоте князя Ивана Борисовича Рузского Иван III получил половину Ржевы, упомянутую в одиннадцатой части. В составе Русского государства находилось сразу две Ржевы — Ржева Пустая, которая располагалась возле Великих Лук, и Ржева Владимирова, которая стояла возле Зубцова и Опок. В Судебнике 1497 года имела в виду Ржева Владимирова, принадлежавшая рузскому князю. Об этом свидетельствует отведенная до нее сумма езда — рубль с четвертью, сопоставимая с суммой езда до Зубцова и Опок — по рублю до каждого города. Если бы имела в виду Ржева Пустая, то езд до нее составил бы сумму, близкую к езде до Торопца и Великих Лук — полчетверта (три с половиной) рубля³⁷. Переданная вместе с половиной Ржевы Руза была почти сразу же отдана князю Юрию Ивановичу Дмитровскому, который еще при жизни отца получил собственный удел и поэтому не фигурирует в изучаемом списке. Таким образом, десятая и одиннадцатая части 30 статьи были составлены после 1503 г., что подтверждает предположение Б.Н. Флори о том, что Тверская земля сохраняла свое полунезависимое положение вплоть до 1504 г.³⁸

Скорее всего, эти части составлялись одновременно с духовной грамотой Ивана III. В пользу этой догадки говорит текстологическая близость десятой и одиннадцатой частей с пунктом завещания об уделе князя Дмитрия Углицкого. В Судебнике 1497 года города Тверской земли перечисляются в следующем порядке: Клин, Кашин, Тверь, Зубцов, Опоки, Хлепен, затем уже Ржева. По духовной грамоте Ивана III князь Дмитрии Углицкий получал Зубцов, Опоки, Хлепен и половину Ржевы³⁹. Такое совпадение вряд ли случайно.

Что же касается Великого Новгорода, замыкавшего 30 статью Судебника 1497 года, то предположение о его приписке к основному тексту подтверждается существованием с 1459 по 1502 г. новгородского

княжества Василия Ивановича. После ликвидации этого новгородского княжества Великий Новгород был также включен в статью «о езде»⁴⁰.

Предложенная структура 30 статьи Судебника 1497 года показывает неоднородность составляющих ее частей. Дошедший до нашего времени список Судебника был сделан уже после 1503 г. и содержит более поздние приписки, что заставляет более осторожно относиться к этому законодательному памятнику. Вместе с тем, Судебник 1497 года следует рассматривать как ценный источник по истории складывания территории Русского государства. Исследование Судебника 1497 года дает возможность по-новому взглянуть на некоторые процессы централизации, проходившие в конце XV в., осветить политическую борьбу вокруг великокняжеского престола.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: ПРП. М., 1955 — 1957. Вып. 3,4,6.

² *Владимирский-Буданов М.Ф.* Хрестоматия по истории русского права. Ярославль, 1873. Вып. 2. С. 67—96; *Юшков С.В.* Судебник 1497 г. (К внешней истории памятника)//Учен. зап. Саратовского гос. ун-та. Факультет хозяйства и права. Саратов, 1926. Т.5. С.1—46.; *Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы XIV—XV вв. М., 1951. Ч. 2. С. 263—384.; *Штамм С.И.* Судебник 1497 г. М., 1955; *Зимин А.А.* Россия на рубеже XV—XVI столетий. М., 1982. С. 110—137; *Isačenko A.V.* Herberstein Moskowiterbuch und seine Bedeutung//Zeitschrift für slavistik. Berlin, 1957. Hf. 4. С. 493 — 512; *Кобрин В.Б.* Власть и собственность в средневековой России. М., 1985. С. 174; *Алексеев Ю.Г.* Государь всяя Руси. Новосибирск, 1991. С. 191—197. Подробная библиография работ по Судебнику 1497 года приведена в указанной выше книге Л.В. Черепина.

³ *Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988. С. 118 — 119.

⁴ *Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы... Ч. 2. С. 353; *Зимин А.А.* Россия на рубеже... С. 117.

⁵ *Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы... Ч. 2. С. 371.

⁶ ПРП. Вып. 3. С. 350 — 351; *Зимин А.А.* Состав русских городов XVI в./ИЗ. М., 1955. Т. 52. С. 338 — 347; ПРП. Вып. 4. С. 243.

⁷ Торопец был признан русским владением по мирному договору 1503 г., Псков потерял свою независимость в 1510 г., а Смоленск был присоединен после долгой осады только в 1514 г.

⁸ *Кобрин В.Б.* Власть и собственность... С. 72; *Тихомиров М.Н.* Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 280 — 281. Следы обособленности Новгорода сохранялись и в XVI в.

⁹ АСЭИ. М., 1963 .Т.3. № 21. С. 37. Эта жалованная грамота подтверждала предыдущие грамоты великих князей Дмитрия Ивановича, Василия Дмитриевича и Василия Васильевича.

¹⁰ *Кобрин В.Б.* Власть и собственность... С. 72.; Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. М.; Л., 1950. С. 102.

¹¹ *Тихомиров М.Н.* Россия в XVI столетии. С. 296.

- ¹² ПРП. Вып. 3. С. 350 — 351; ДДГ. М.; Л., 1950. № 89. С. 353 — 364.
- ¹³ ПРП. Вып. 3. С. 350 — 351.
- ¹⁴ ПРП. Вып. 4. С. 243.
- ¹⁵ ДДГ. № 89. С. 360. Только в 1566 г. Иван Грозный выменял Верею.
- ¹⁶ *Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988. С. 142. В завещании Ивана Грозного Медынь упоминается в уделе его брата, князя Юрия Углицкого, получившего свое княжество по духовной грамоте Василия III. Сама духовная грамота Василия III до нас не дошла. Возможно, Медынь считалась прижизненным владением Елены Глинской, после смерти которой должна была перейти к Юрию.
- ¹⁷ В 1539 г. Серпухов держал бывший (и будущий) казанский хан Шах-Али (ДДГ. № 104. С. 422—426). Возможно, именно в это время Серпухов и выпал из списка. Причины пропуска Ржевы неизвестны.
- ¹⁸ ПРП. вып. 4. С. 243. *Зимин А.А.* Состав русских городов... С. 338 — 347.
- ¹⁹ ПРП. Вып. 4. С. 423 — 424.
- ²⁰ *Зимин А.А.* Россия на рубеже... С. 235. В 1498 г. Мухаммед Эмин выдал жалованную несудимую грамоту Каширскому Белопесоцкому монастырю, позднее подтвержденную его приемником Абдул-Летифом.
- ²¹ Сб. РИО. СПб., 1892. Т. 35. С. 129-132.
- ²² ДДГ. № 74. С. 275 — 277; ПСРА. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 326.; Сб. РИО. Т. 35. С. 19, 37.
- ²³ ДДГ. № 80. С. 308 — 315. № 81. С. 317; № 98. С. 406 — 409; № 89. С. 360; ПСРА. М., 1965. Т. 30. С. 138; см. также: *Алексеев Ю.Г.* Государь всея Руси. С. 178.
- ²⁴ ДДГ. № 82. С. 322 — 325; ПСРА. М., 1994. Т. 39. С. 167.
- ²⁵ *Зимин А.А.* Россия на рубеже... С. 100; Сб. РИО. Т. 35. С. 4, 20, 36; *Каиштанов С.М.* Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI в. М., 1967. С. 32 — 34.
- ²⁶ ДДГ. № 61. С. 193 — 199; *Каиштанов С.М.* Социально-политическая история... С. 51 — 52.
- ²⁷ Сб. РИО. Т. 35. С. 106; *Кобрин В.Б.* Власть и собственность... С. 59.
- ²⁸ ПСРА. Т. 25. С. 278.
- ²⁹ АСЭИ. Т. 3. № 22. С. 40.
- ³⁰ *Каиштанов С.М.* Социально-политическая история... С. 23 — 25, 32 — 34; ПРП. Вып. 4. С. 243.
- ³¹ *Каиштанов С.М.* Социально-политическая история... С. 32.
- ³² Все эти города были получены по ярлыку в 1392 г.
- ³³ ДДГ. № 82. С. 322 — 325.
- ³⁴ Сб. РИО. Т. 35. С. 2, 49, 129 — 132.
- ³⁵ *Каиштанов С.М.* Социально-политическая история... С. 34, 51—52; *Зимин А.А.* Россия на рубеже... С. 138 — 147.
- ³⁶ *Зимин А.А.* Россия на рубеже... С. 118 — 119.
- ³⁷ ДДГ. № 98. С. 406 — 409; ПРП. Вып. 4. С. 243.
- ³⁸ *Каиштанов С.М.* Социально-политическая история... С. 201, 236; *Флоря Б.Н.* О путях политической централизации Русского государства (на

примере Тверской земли)//Общество и государство феодальной России. М., 1975. С.283 — 288.

³⁹ ПРП. Вып. 3. С. 550 — 351; ДДГ № 89.С. 360.

⁴⁰ Зимин А.А. Россия на рубеже... С.181.

О.А. Перова

**К ИСТОРИИ РУССКО-ПОЛЬСКИХ
ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ
СЕРЕДИНЫ XVII в.: ПОСОЛЬСТВА СТОЛЬНИКА
А.С. МАТВЕЕВА К ЛИТОВСКОМУ ГЕТМАНУ
В.К. ГОНСЕВСКОМУ 1656 И 1657 гг.**

В середине XVII в. в Восточной Европе начались изменения в расстановке политических сил, которые в значительной степени определялись отношениями между Россией, Речью Посполитой и Швецией. Стремясь обеспечить себе поддержку в борьбе за первенство в восточноевропейском регионе, эти державы пытались склонить на свою сторону германского императора, курфюрста Бранденбургского и трансильванского князя. Поэтому польско-шведский конфликт, начавшийся вторжением шведских войск летом 1655 г., не мог оставаться в рамках локального столкновения двух государств и положил начало Первой Северной войне.

Речь Посполитая, представлявшая собой одно из крупнейших европейских государств, переживала тяжелый внутренний кризис, усугубившийся рядом военных неудач и известный в историографии как польский Потоп. Ослабление Польши давало Московскому государству шансы на выгодное для него разрешение ряда спорных вопросов, прежде всего касавшихся возвращения территорий, потерянных в начале XVII в. Однако России не удалось достичь соглашения с Швецией, в результате чего наметилось русско-польское сближение. К этому недолгому периоду стабилизации в отношениях с Речью Посполитой можно с уверенностью отнести 1656 — 1657 гг., когда ведение переговоров с московской стороны было возложено на стольника А.С. Матвеева, уже тогда пользовавшегося большим доверием царя Алексея Михайловича, а в последующее время занимавшего высшие посты в государственном управлении.

Русско-польские дипломатические отношения середины XVII в. вызывают большой интерес исследователей, однако предметом изуче-